

Трамвай номер 0

Олег Холодный

Холодный Георгиевич
Трамвай номер 0

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Георгиевич Х. О.

Трамвай номер 0 / Х. О. Георгиевич — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Романтическая история о молодом путешественнике и его любовных похождениях. Начало повествования застаёт героя на побережье, где тот ожидает поезда. Он сбежал с работы, потерял почти все вещи и располагает небольшой суммой наличных. Происходящее откликается в нём смутно связанной серией воспоминаний. Он приезжает в новый город на поезде. Спустя короткое время, после захватывающих случайных событий, он уже располагает жильём в центре города и работает звукорежиссёром в ночном караоке-клубе. Там он спасает жизнь случайному прохожему. На протяжении всего повествования цитируются стихи, появляются оккультные символы. Книга оканчивается сценой секса.

© Георгиевич Х. О., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

1

Вещи

Сейчас 6 вечера. Шесть – не самая везучая цифра. Тринадцать – тем более (а это номер моего отряда). Я уже молчу про то, что на дворе июня 2012-го года, на который древние трепанаторы майя запланировали конец Света.

Я сижу на железнодорожной платформе в Шепси и жду скорого поезда на Краснодар, который придёт в полдевятого. Полотно железной дороги тянется вдоль побережья, по самой кромке галечного пляжа. Ни часов, ни мобильного телефона у меня, потому изначально я и включил нетбук – надеюсь, аккумулятора хватит, чтобы показывать время ещё 2,5 часа.

Что-то многовато цифр, и в этом тексте, и в моей жизни последнее время. И все эти цифры бесполезны, они только вгоняют глубже в ил уныния. Как я уже говорил, железка идёт с севера на юг и обратно вдоль побережья, и отсюда я могу уехать либо в Сочи, либо в Краснодар. В Сочи мне делать нечего, там полным ходом идёт подготовка к Олимпийским играм 2014-го года, цены растут как на дрожжах, и ни одной знакомой души.

Поэтому я просто сижу и смотрю, как прямо за шпалами плещется бесконечное Чёрное море. Утешает одно – на этот раз я хотя бы искупался. Не то, что год назад в Новороссийске, когда море было холодным от затянувшейся ранней весны, и под морозящим дождём я только и смог, что потрогать его, погладить мокрые завитки прибоя.

В Краснодар скорый доставит меня в 11 вечера, ближе к двенадцати, и я очень сильно надеюсь найти там какой-нибудь завалящий вай-фай и застать онлайн хоть кого-нибудь из своих южных друзей. В противном случае мои шансы сгинуть подрастут ещё немного, и будут расти прямо пропорционально тому, как будут таять оставшиеся у меня жалкие две тысячи рублей.

У всего есть своя светлая сторона. Сейчас светлая сторона для меня – приятный окрестный вид – волны, горы, покрытые лесами, загорелые восьмиклассники, теплое закатное солнце и то обстоятельство, что я не курил часов 10 к ряду, а сейчас дымлю кентом, 8-кой.

Да, у любого раздранного приключения, безусловно, есть своя светлая сторона. Следовательно, есть и тёмная. Тёмная сторона этого, переходящего уже все границы допустимой дурости, приключения – это дырка в моём вещмешке.

Несколько километров назад я лежал в пересыхающем и запруженном русле иссушённой жарой речки Шепси, по которой, вероятно, назван город, на покрытой солью и известью гальке. Лежал и, натурально, плакал от бессилия и жалости к себе – совсем не то поведение, в котором хотелось бы признаться даже такому завалящему мужчине, как я.

Я плакал и думал о моих любимых рубашках, моих любимых джинсах, двух сессесерах, не начатой даже дорогой пене для бритья, замечательном свитере, целой куче редких проводов и переходников, незаменимых для любого звукооператора, наконец, о доставшихся мне почти даром кроссовках Demix – и всех остальных вещах, которые лежали километром выше в русле этой проклятой реки. Там, где я их выкинул, когда ляпка вещмешка с издевательским треском вырвала кусок из его стенки, создав дырку и положив конец своей службе.

Пришлось оставить только самое дорогое, то, что выкинуть было просто нельзя – нетбук, кошелек, зубную пасту и щётку, бритву, мыло, пару пар носков и носовых платков, полный набор не поддающихся восстановлению документов и две книги: «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» Пёрсига и «Записки о поисках духов» Гань Бао.

Забавно, что подзаголовком к труду Пёрсига идёт «Исследование ценностей». Стоит, пожалуй, припомнить ещё пару ценностей, от которых я не смог отказаться – старый добротный кожаный ремень советских времён, плеер и большие уши-дужки, туалетная бумага, палка колбасы, 4 пачки плавленого сыра для бутербродов, уже расфасованного в пакетики. Что-то

ещё? Ах, да – пара трусов и плавки, которыми я так и не воспользовался, потому что вошёл в море прямо в завёрнутых по колено джинсах.

Воздух здесь очень вкусный – он пахнет не только солью, и йодом от водорослей, но и хвоей, горячим камнем, горячей едой, в конце концов. От последней мысли опять хочется плакать – сыром я больше испачкался, чем наелся, а полпалки колбасы, впрочем, как и полпачки сыра, выкинул, не доев – и запил грёбаной холодной колой.

Впрочем, если уж и плакать мне сейчас, то точно не о еде. Да и, откровенно говоря, с тех пор, как я начал писать, внутренние спазмы порядком поутихли – не то, что в русле, где каждая следующая мысль делала меня слабее и несчастнее. Не могу сказать, чтобы они сделали меня счастливым сейчас, эти мысли – но они уже не вызывают новых приступов рыданий.

Если бы я плакал только о любимых шмотках, которые пришлось выкинуть, чтобы сохранить хоть что-то, было бы легче. Но, если даже говорить исключительно о вещах, ими дело не ограничилось. Прежде, чем русло и вес доканали мой вещмешок, мне пришлось оставить сломанный ещё в Москве чемодан – и вместе с ним всё, что не влезало в оставшуюся суму. А это ещё один довольно объёмный список, в котором и обувь, и полотенца, и одежда..

Ничего себе съездил на море.

Сейчас уже семь вечера, до моего скорого поезда полтора часа, и аккумулятор вроде пока держится. Только что, пока я писал про аккумулятор, остановился поезд до сочей. Из него вышел мужик и спросил спичек – я прикурил ему от зажигалки. Он попрекнул меня тем, что, живя на море, я такой бледный. Я объяснил, что не живу тут, а просто попал в переплёт и теперь пытаюсь вернуться домой. Он поинтересовался, в чём беда – может, у меня не хватает денег на билет? Но денег на билет до Краснодара у меня хватает, так что.. И в этот момент двери поезда закрылись – он подскочил к ним, замахал руками, поезд остановился, открыл двери, мужик запрыгнул – его начала выталкивать контролёрша как безбилетника, я сказал, что он с этого поезда, а он сказал мне: «Держись», – и поезд увёз его на север, туда же, куда скоро поеду и я.

Если проанализировать, почему потеря каких-то бытовых и не супер дорогих вещей меня так расстроила, станет очевидно, что дело не в вещизме, жадности и привязанности, отнюдь не в них. Дело в том, что почти все вещи, которых я лишился, равно как и те, что сохранил, мне в полной мере не принадлежат. Все они либо были мне подарены или отданы с чужого плеча, либо даны на время. И когда я плачу о них, то плачу в первую очередь от обиды за их хозяев и их доброту. Представляю себе, если вернусь, как стыдно будет объяснять им, куда они делись. А мне и без того нечем гордиться – в 25 лет я сижу в своей последней теперь паре джинсов и майке, да и те куплены родителями, которых я, по идее, давно должен отпустить на заслуженный отдых.

Мда. Единственное, что сейчас я имею своего – это плеер с наушниками. Как-то инфантильно, вы не находите?

Начало

В этом мире есть лишь три способа существования. Первый заключается в том, чтобы делать то, что ты хочешь. Второй – делать то, что должен. И третий. Балансировать на хрупкой грани, посередине. И получить в конце жизни чёткое осознание: ты – ни рыба, ни мясо.

Вернулся человек, которого я люблю. Он проехал 15 тысяч километров. Увидел три моря, немного не доехал до океана и почти эмигрировал. Это было трудное путешествие. Он зависел только от себя самого. Ему пришлось буквально зарабатывать себе на жизнь. Буквально – значит не в том понимании, к которому мы привыкли. Т.е. есть у кого занять, можно взять кредит, аванс на

работе, просто прожить на пособие.... Нет. Это значит в чужом краю без каких бы то ни было связей и знакомств буквально зарабатывать себе на кусок хлеба. Как на войне.

Он обрёл силу и мягкость. Поскольку одно без другого невозможно. И вот теперь, когда он вернулся, я спросил его: «Ты скучал по кому-нибудь?». «Нет», – ответил он, – «Я привык быть один».

Стена отчуждения встала между нами. Две дорожки в очередной раз разбежались. Нет больше того, что нас объединяло, что обеспечивало понимание. Я ему больше не нужен. А значит, и он не нужен мне. Простая сделка, следствие и причина. Вскорости он эмигрирует.

Ложь является основой человеческого существования. Человек изъясняется словами. А слово, затёртое за всю историю его употребления, поросшее мхом и плесенью, стало лживым а ргіогі. Слово – это и есть ложь. Или, иначе, как это было у классика:

«Истина произнесённая – есть ложь». Поэтому, общаясь словами, мы врём друг другу. Вербальное общение не предполагает откровенности. А отсутствие откровенности не предполагает общения. Слава богу, музыка пока не обрела этих свойств и позволяет открыться друг другу. Именно поэтому, общаясь с человеком, неспособным создавать музыку, я предпочитаю молчать и смотреть ему в глаза, выражая свои мысли и чувства лишь взглядом.

Человек двойственен по своей природе. Человек – это единственная форма разумной жизни на Земле. А это значит, что в нём уживаются вместе разум и животное естество. Соответственно, любое порождение человеческой природы является для него ложью. А объясняется это просто. Порождение разума – мысль, является ложью для животного естества. А порождение либидо – нашей животной составляющей, является ложью для разума. Таким образом, человек постоянно обманывает сам себя, а значит и всех окружающих. И если вы с этим не согласны – значит вы себя не знаете, не до конца откровенны с самим собой.

Я слишком стар для этого мира. Этот мир молод. И по его меркам я также молод, как и он. Но как любое молодое создание, он не терпит ровесников. А значит, я для него слишком стар.

Omae wa Ryu no musuko desu. Rinjin no musuko desu.

Давным-давно Аmekрон вернулся из-за края и подлю убил Великого дракона. Его дети были высланы из Хаоса. И наследников было четверо. Прошло много лет. В Хаосе царит анархия, Аmekрон устранился от власти. Трое из четырёх погибли безвозвратно. А между тем краю подходил срок, он поизносился и грозил вот-вот прорваться, впустив в мир ужасы Ничего. Единственный способ проведения края – провести его кровью наследника. И чтобы это сделать, потребуется его жизнь. На Земле, третьей тени от

края, существовала даже такая секта, целью которой являлось изловить хотя бы одного дракона и заставить его провести край ценой собственной жизни. Впрочем, сил у них бы на это всё равно не хватило. И ещё они не знали, что дракон остался лишь один.

Но это не имеет никакого значения, поскольку дракон сам принял решение и провёл новый край. Однако, как оказалось позднее, он умер не до конца.

Она сказала: «Нет. Я не хочу больше слушать. Пока». Открыла дверь, зашла и закрыла за собой. На этом наш диалог и моя исповедь закончились. Я побрёл к своей серо-голубой панельке, чтобы выпить ещё одну стопочку коньяка, раздолбить в одну харю косяк и забыться неровным сном до утра.

Вкус волны

Да, этот вкус определённо мне знаком. Он напоминает по кровавой тягучести зелёный чай с жасмином, крепкий болотный отвар. По бархатной вязкой навязчивой нежности в нём прослеживается геном тишины. Густой, словно простуженный и прокуренный осенний кухонный воздух, он сковывает органы чувств. Зрение... Слух... Обоняние... Разве только зрение ещё как-то сопротивляется его спокойному вялому напору бухого самца.

Где-то за пределами этой комнаты бродит время. Бродит, как вишнёвый кампот, и вместе с тем как надзиратель по коридору. И поскольку оно задумчиво, сосредоточенно в своей внутренней непостижимой извне работе, то бродит оно и как жанровый шарж французского писателя. По крайней мере, проживающего в Париже литератора. Безотчётно комкает в руке вырванную с корнем, как прядь волос, из печатной машинки немецкого производства, непременно с деревянными пластинками на круглых клавишах, страницей горящего рассказа. Редактор ожидает его к утру, иначе с этой подработкой можно распрощаться и переезжать в трущобы.

Мне видится старина Хем, удовлетворённо рыкающий себе под нос: "Сегодня я поработал хорошо", и выходящий на холодную ночную улицу, чтобы побродить по парку с чадной трубкой в тугом кулаке, замысливая очередное.

Память накрывает волной, тёплой и округлой, как испанский херес, с явственными мадерными тонами. Даже самое грубое, ледянисто-колючее и злое воспоминание вызывает улыбку мечтателя, всё шире расплывающуюся на припечённых морозом и нехваткой влаги губах. Тут уже видится мне юный Фёдор Достоевский, готовый поведать свою историю первой встреченной им прекрасной незнакомке, сидя на лавочке в лихорадочно, ненасытно счастливый период белых ночей. И эта сахарная вата, не столько сладкая, сколько приторная, обкладывает уютным воробьиным гнёздышком недвижимый ум.

Душистые мирки велюровых и плюшевых воспоминаний закруживают выносят в смерчке локального характера выше желтоватого потолка, но не пускают в сон, удерживают явь, как якорь. И сами они бежевые с отливом в жёлтый, с глубоким коричневым, с туманом, как монохромная плёнка. То ли от пыли, которую уже никак не смахнёшь, то ли бумага желтеет сама, то ли краски вылиняли. Истёртые края, трещинки, заломы...

Я пробираюсь в самую глубь, к той виньетке, которую очень, слишком, и практически никогда не вспоминал – и она должна сохранить яркость, под лёгким нажатием воли дать сок, что освежит и прочие сухие плоды.

Демон

– Привет! Не хочешь посмотреть на Москву?

– Да вроде уже...

– С высоты птичьего полёта?

– Вертолёт?

– Крыша.

– Крыша?! Здорово! А где? Когда?

– Прямо здесь и прямо сейчас! Только для вас!

Так всё началось. Хотя, если заняться аналитикой и углубиться в историю, можно выявить определённые предпосылки. Зародыш.

– Серёг, поехали сегодня со мной на Беляево?

Вихрастый говорит нервно, спотыкаясь. Дышит учащённо, нервно. Пальцы дрожат, глаза блестят. Пульс наверняка грохочет отбойным молотком в его голове, отдаваясь слабой, на грани восприятия, болью в барабанных перепонках.

– А что за дело?

– Мышка. Помнишь, я тебе рассказывал? Ну, моя лучшая подруга из Казани. Она сегодня в Москве будет – я хочу вас познакомить.

– А стоит ли?

– Она тебе обязательно понравится. Она рыжая!

– Замётано.

Ключ – чёрная пластиковая палочка, в трёх местах пронизанная стальными штырьками – со второй попытки входит в гнездо. Вжик – поворот на 60 градусов. Щёлк – дверь открыта. Загорается жёлтым светодиод под надписью «войдите». Ну, мы и входим. Тяжёлая стальная дверь с угловатой ручкой, обшитая массивом вагонки, неуклюже, но без скрипа отворяется. Нашему вниманию предстаёт слегка заплёванный подъезд. Я-то давно свыкся, живу здесь с рождения. Однако моих гостей зрелище разбросанных по ступенькам реклам и бычков, озарённое тусклым белым светом, не вдохновляет.

Поднявшись по блёклым бетонным ступеням, загружаемся в лифт. Инструкция на дверях предупреждает, что лифт не предназначен для перевоза более 6-ти человек. Хех, да они экстремалы. Всё это отдаёт чёрным юмором. Мы и втроём-то еле влезли – и то дышать нечем. Вихрастый – пыхтит и задыхается, Мышь – покраснела, я – привык.

Троллейбус покачивает. Это аквариум, а мы эволюционировавшие латимерии. Поездка слегка неуверенная. Вихрастый молча оглядывается, высматривает что-то за окном, сглатывает. На Беляево ему бывать не приходилось. Приходилось мне, но я понятия не имею, где там такой-то гостиничный комплекс. Это, напротив, знает он. При этом я спокойно медитирую на приближение новой затяжки, а он накручивает динамо. Нет ничего удивительного в том, что остановки не объявляют. Удивительно, что Вихрастый усматривает в отдалении метро раньше меня. Бросок через бедро – троллейбус тормозит. Пшик, хлоп – двери разъехались. Вихрастый слоном слетает по ступенькам. Широко махая руками, отчего полы его голубой куртки развеваются, он кружится на месте.

Неспешно выхожу и вешаю на губу сигарету: «Мы в графике?»

Тихо, не палимся. По пролёту ко входу на крышу поднимаемся в полном молчании. Сваренная из стальных прутьев лестница. Ставь ноги аккуратно, пока не упрёшься макушкой в люк. Замок закрыт, висит на дужках. Иллюзия неприкосновенности. Одна дужка прикреплена к люку ввёрнутым до середины винтом. Вывинтить – раз плюнуть. Два плюнуть – как можно тише поднять головой люк. В очередь, сукины дети!

Я поднимаюсь первым и остаюсь внутри будки. Мышка перетекает по лестнице и струится на крышу. Вихрастый пропрыгивает следом. Закрыть люк – особое искусство. Надо очень нежно потянуть за балансировочный трос. Нежно – и плавно. Плавно – чтобы люк медленно и тихо вошёл в отверстие и не громыхнул. В будку залетает порыв ветра и вместе с гарью шоссе заносит унцию обещания. Шаг на порог – меня обнимает небо.

Ангел

Вы, верно, знаете, как это бывает. Сразу меняется взгляд. Неуловимо. В-общем, я сразу все понял, и знал, как оно будет. Когда ум пребывает в состоянии непоколебимой мудрости – знание приходит само – сразу и плавно, как сырок «Валио» проскальзывает по пищеводу после глотка «Столичной» или «Велеса» из запотевшей бутылки на улице в минус 20. В состоянии непоколебимой мудрости ум не останавливается ни на чем, а не стоит на месте, как вы, полагаю, подумали. По крайней мере, так писал Такуан Сохо Миямото Мусаси, книга «Письма мастера дзен мастеру фехтования». Ответ Мусаси мне, увы, неизвестен. Вообще-то, хорошее было время в средневековой Японии, славное. Не то, что сейчас. Сейчас время «семенит ножками», холодное, злое и жесткое. Расположить его к тебе может только выкуренные тобой две «плюшки» гашика. Помню, когда я работал букинистом, к нам часто приносили Ярослава Гашека. О Великий Русский Язык! В тебе такой простор для словесной игры! Ставя на нем «Продажку» 7 рублей, я приговаривал своему начальнику: «А Вы знаете, Петр Юрьевич, почему нынче грамм гашика? 450 рублей, а мы тут полкило за 7 отдаем!». Гашиш – это вообще очень грамотная тема. Особенно хорошо, когда гаш уже кончился, выкурить через растаманскую трубочку сигарету, перемежая затяжки глотками крепчайшего мате с капелькой лимонного сока. Кстати, пиение вербного мате предохраняет от Свина. Свин просто не может прийти. Собственно говоря, Цикоридзе мог бы и не колдовать, все и так было предопределено. Собственно, я понял, что вкушу грейпфрутовый сок ее волос еще тогда, в день рождения Пчеловой, когда увидел ее в метро с бумажкой, на которой было написано «Желтый шарик». Это ж надо было?! Пчелова сказала, что встреча в метро, у девушки с желтым шариком. Шарик Светланченко где-то проиграла, и вот так появилась эта бумажка. Кстати, кинестеты не играют в преферанс. Ни в коем случае.

Так вот, понял это я сразу, лишь только увидел ее рыжие волосы. Это будет, рано или поздно, так или иначе, как говаривал сэр Макс Фрай устами Игоря и пером Марты. Ведь все мы немножко вершители, ага? А я никогда не обламываюсь. Тем более, она рыжая. А рыжие, как известно, моя больная тема, слабое место и сильная сторона. Началось все с того, что мне не с кем было выпить водки, а глушить в одиночестве не было настроения. Вихрастого не было дома, мобильник у него по жизни заблокирован... Короче, позвонил я Менялкину, и он мне внял. Менялкин, между прочим, тот ещё тип. Познакомились мы с ним, когда он подошёл и спросил: «Слушай, а ты носишь такой хаир для эпатажа?». Редко в наше время встретишь человека, знающего слово «эпатаж». На том и порешили, а он у нас вообще поэтествовать любит, стихи, вон, даже пишет. Неплохие, к слову, но слишком уж гладкие и добрые, чтобы цепляло. Да вот, опять-таки, и на литературного критика учится, сам поступал. И декоратором хотел быть, и актёром... Да Бог его знает, может и станет ещё. Всем сразу. Вот потеха-то выйдет. Менялкин: со своими патлами, пузиком, усиками и в моей шляпе, да фляжечку этак к губам то и дело прикладывает, и сигару, непременно сигару! Пошли мы и взяли бутылку водки, но до того мне позвонила Светланченко узнать, можно ли у меня вписаться. Вот тогда-то и возникла мысль, что сегодня я ее возьму. Светланченко – это не человек, это девочка-героин. Я встретил Менялкина на трамвайной остановке, мы перешли через рельсы, обнявшись, и купили бутылку водки. Потом пошли домой, и на пороге нас застали Пчёлова со Светланченко. Пчёлова позвонила мне после выхода статьи про зоны и попросилась на экскурсию, мы сидели на печной трубе, курили трубку и я играл ей на варгане, абсолютно не подозревая, во что вляпался от корней до самых кончиков, как в шампунь. Поняв, что ночь будет долгой, я набрал Цикоридзе. Он не сразу взял трубку, был рад меня слышать, и пригласил со всей честной компанией. Я трезво оценил ситуацию и произвел рекогносцировку. Проще говоря, купил вторую бутылку водки и решил накапать Пчёловой на мозги по поводу сидения до утра у незнакомых людей. Она могла серьезно осложнить мои планы на её подругу, к тому же я знал, что хозяин её общество не вынесет. Что нас роднит с Менялкиным, так это то, что мы всегда носим с собой рюмку. У меня в кармане рюмка, у меня в ботинке нож. Ну, насчёт ножа, это я, пожалуй загнул. Предпочитаю работать руками и ногами. Ах, вспомнил! Тогда, в метро, я одолжил у Зины очки, нацепил их на нос, сделал печальное лицо и взял на манер попрошайек перед грудью «желтый шарик». Представляете, какая уморительная получилась картина? Стоит в метро грустный еврейский юноша с табличкой «желтый шарик». Все атрибуты: черные кучерявые волосы, черное пальто, черная шляпа. Тонкая шутка над человечеством и человечностью. Но, увы, никто не заценил. Хотя смотрели на меня, как на тупого *cest un imbeciles* с нескрываемым презрением. Так вот о

рюмках. Вихрастый подарил Менялкину толстую пуленепробиваемую рюмку с зеленым кречетом и гордой надписью «Казань». Теперь Менялкин пьет за Казань всегда. Понтово – но у меня понтовее. Мне Медведев на новый год презентовал складную рюмку из нержавеющей стали в футляре с брелковой цепочкой. Ношу с ключами, занимает мало места и всегда к месту. О, Великий.... И проходя мимо стоянки у Москворецкого рынка, я решил, что пора. Менялкин достойно принял мой ангажемент. Мы выпили по стопочке, закусив несвежим морозным воздухом. Девочки попеременно прикладывались к горлышку «Виноградного дня». Это жуткое пойло разливают в Подмоскovie трудолюбивые *gastarbaiters* (именно так это слово написано в прихожей МБФ на Пироговке) вместе с токсичной «незамерзайкой». Оно фиолетового цвета, 9-тиградусно, и своим вкусом и запахом устойчиво ассоциируется у меня с парижским парфюмом «Raisin Vert», подаренным мне Бутовым на какой-то Новый Год незадолго до моего скандального ухода из кабаре. Ну не люблю я всё это поливание экскрементами в кулуарах, в форме коего принято там было выражать своё мнение. Сеич всегда позиционировал себя как правдолюб.

Допозиционировался. Я так ему и сказал: «Алексей Алексеевич, при всём уважении, вы шут и мудило, потому что считаете себя Д'Артаньяном, а всех остальных пидорасами». Он ведь всегда говорил, что любой человек может ему высказать, если мотивирует. Так-то оно так, да не так таки. О, Русский.... Вы только не подумайте, что я этим эпизодом горжусь, или считаю это Поступком. Нет, просто случай. А народ всё делает из меня то героя, то злодея. Надоело, право слово. А вроде неглупые люди.

Люди

Вот так всегда – моя безалаберность проявляется отчего-то в самые неподходящие моменты. Например, сейчас, когда у меня уже явно не хватает на билет до дома, я не смог удержаться – и за час до скорого на Краснодар перебрался с перрона в прибрежное кафе. Думаете, я взял себе покушать? Черта с два.

Я взял себе кофе, чтобы лучше писалось. Думаете, меня устроила чашечка за 50 рублей? Черта с два. Я попросил вдвое больше и сам предложил заплатить сотню. И это в тот момент, когда у меня всего 2026 рублей (уже 1926), нет жилья, телефона, интернета и хоть какого-то источника денег, а от дома меня отделяет 1,5-2 тысячи километров.

Эта безалаберность, на мой взгляд, одно из худших и в то же время наиболее характерных моих качеств. Самое поганое в нём то, что я всегда подставляю дорогих мне людей в критический момент, на меня нельзя положиться. Радует одно – кофе сварен в турке и совсем неплох.

И вот я сижу на открытой террасе второго этажа, и вспоминаю ещё одну цепочку мыслей, воспоминаний первой свежести, которые заставляли меня вновь и вновь плакать, лёжа с закрытыми глазами на раскалённой гальке обмелевшего русла Шепсы всего пару часов назад.

Маша, Кристина, Ксюша. Алеся, Лисёк, младшая сестра Ксюши. И те две девочки, сёстры, с которыми мы встречались глазами и улыбались, но не успели познакомиться. И эти пацанята, которые тоже только-только начали мне доверять. Я чувствую, что предал их, и немедленно запиваю крепким кофе подкатившую, было, снова к горлу боль.

Маше, Кристине и Ксюше по 13 лет. Отличные, открытые, умные, живые девчонки, которые доверяли мне, может быть, влюбились, совершенно точно – нуждались в моём обществе и

поддержке ближайшие 20 дней. Вряд ли мы когда-нибудь увидимся вновь – сегодня я потерял много Друзей.

Ещё три девочки – им по 7 лет и Лисёк в их числе. Их я тоже бросил.

Стас, с его ужасающе гибкими суставами, и другие пацанята, имён которых я не успел запомнить – им тоже очень хотелось, чтобы рядом был кто-то большой, но свой, кто-то понимающий их и уважающий, как равных себе, не «строящий» и не «воспитывающий».

Вот я и ещё раз соврал вам, ребята, ещё раз вас обманул – на этот раз окончательно и бесповоротно. Надеюсь, вам будет легко меня возненавидеть или забыть. Не скучайте и не грустите, пожалуйста.

Мне бы очень хотелось, чтобы я мог остаться и любить вас дальше. Ещё больше мне бы хотелось, чтобы вокруг вас всегда было достаточно людей, которые могут любить. Но я знаю, что сейчас это не так – потому-то вы и потянулись ко мне так сильно, так быстро доверились.

Господи, как стыдно, как чудовищно жаль – кофе уже выпит и теперь мне гораздо труднее не зарыдать заново. Остаётся полчаса до поезда – надо докуривать и споро бежать обратно на перрон.

Последние полчаса до прибытия скорого я провёл на перроне, беседуя с двумя попутчиками, окаймившими меня по вагонам. Сам я еду в девятом (ещё одно мистическое число), первый мой собеседник – в восьмом, собеседница – в десятом. Следующие три часа я буду писать и не буду спать. Кстати, за последние 3 дня поспал я, в общей сложности, часа 3, из них лишь половину можно назвать сном, поскольку вторая порция была осознанного толка.

В правом окне наискосок тянется море, над которым плывёт попутная мне туча дождя, а по – пароходы, как будто именно украшенные мачтовыми огнями. Слева вижу скошенные углом взгляда основания гор, порой на них появляются свежеспиленные пеньки. У меня де жа вю – именно под таким углом я смотрел на лес и горы в первую ночь по дороге в «Юбилейный», когда мне всё-таки удалось немного уснуть и получить видение.

Я чувствую себя виноватым перед детьми не потому, что оставил их, а потому, что оставил их с людьми, своего внутреннего ребёнка давно задушившими. Даже если это и не так в каких-то случаях, оставшиеся вместо меня не собираются любить этих, вполне конкретных, настоящих детей – им это не нужно. Им нужно сдать практику в педагогических ВУЗах, чтобы потом ещё много лет профессионально не любить детей и приучать их к этой вывернутой норме.

Я бы остался, несмотря на то, что вместо заявленной ставки диджея меня сделали вожаком. Остался, если бы только мне дали свободу метода – но меня пытались принудить играть по правилам мёртвой системы, лишили выбора – ведь чтобы быть с детишками дальше, нужно было их насилловать бессмысленными требованиями, муштровать, подавлять агрессией, криком, угрозами, унижительными наказаниями за громкий смех – голос их сути.

Так мне удалось хотя бы сохранить нашу дружбу не извращённой надуманным форматом так называемой заботы. Но эти искорки в их глазах – нет ничего, что я хотел бы сохранить сильнее. Мне хочется верить, что пройдёт десяток лет, и эти искорки будут кострами. Хотя опыт, эта горькая смерть сердца, которую мы получаем внутривенно, по капле в день – опыт не оставляет вере достаточно шансов, чтобы отпустило узел в груди.

Поезд проехал всего пару минут и остановился на следующей станции. Стоит мучительно долго, издевательски. Давай, стальной змей, вези меня дальше, оборви эту пружину поскорее, умоляю тебя. Я никогда ещё не терял так много – и так быстро.

Проносящиеся за окном долины, узкими полосками гальки и плавняка рассекающие зелёное месиво Северного Кавказа – они прекрасны, полны живой и естественной красоты. И

этой своей полнотой, опять и опять, с каждым взглядом, выворачивают меня наизнанку – той же особой внутренней подсветкой лучились и дети.

Кому

Она спала. Спала, но чутко. Её одурманенное гашишом сознание обострило восприятие до предела. И какой-то невнятный звук пробудил её из царства размытых ощущений. Сперва она не поняла, а потом решила, что поняла. «Да, это был тот звук, когда мужчина кончает, его ни с чем невозможно перепутать». Вряд ли у неё был большой опыт по этой части, чтобы судить обо всех мужчинах. Ей стало противно и горько. Она выгнала его. Из коридора она снова услышала этот звук: «Он сделал это перед зеркалом!». Её подозрения подтвердились на следующий день, когда она получила смску: «Прости, ты очень красивая».

Я в очередной раз взялся доказать, что человек лжёт постоянно. И получил весомую контратаку. Если разум и либидо постоянно врут друг другу, и в этой двоякой ситуации ложью оказываются все порождения, то, принимая во внимание, что ложь и правда являются категориями разума, становится непонятно, что такое вообще правда. А раз этот термин является неопределимым, то он исключается из приближённого уравнения. Следовательно, при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.